

УДК 930.85

ИССЛЕДОВАНИЯ

RESEARCHES

Пенской В. В., Пенская Т. М.

Penskoy V. V., Penskaya T. M.

**DEUS EX MACHINA? ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ
АВТОРИТАРНОЙ ТРАДИЦИИ В РОССИИ****DEUS EX MACHINA? THE AUTHORITARIAN TRADITION
IN RUSSIA AND ITS HISTORICAL ROOTS****Аннотация**

Исследование, основные результаты которого нашли отражение в этой статье, было посвящено чрезвычайно актуальной и дискуссионной проблеме происхождения и развития традиции авторитаризма в России. Основные положения статьи представляют собой авторское видение ответа на вопрос – как, при каких обстоятельствах сформировался российский авторитаризм и в чем причины его живучести.

В основу исследования был положен комплексный подход к изучению проблемы происхождения и исторического развития российского авторитаризма, процессы становления которого рассматривались на широком историческом фоне, с активным привлечением исторических аналогий.

По мнению авторов, «пробуждение» и становление авторитарной традиции в России связано было с необходимостью осуществления внешней экспансии, продиктованной как внутренними, так и внешними обстоятельствами. В условиях, когда Россия в конце XV в. оказалась втянута в бескомпромиссный межцивилизационный конфликт, испытывая при этом острую нехватку материальных, финансовых и людских ресурсов, победить в этом конфликте можно было только путем создания сильного государства. Это государство могло мобилизовать ограниченные силы и средства и направить их на решение жизненно

Abstract

The study is devoted to an important and controversial issue of the origin and development of the authoritarian tradition in Russia. The conceptual issues of the article represent the author's view on the answer to a question "How, and under what circumstances has the Russian authoritarianism evolved and what are the causes of its survivability?"

The study is based on a comprehensive approach to the analyses of the origin and historical development of the Russian authoritarianism whose evolution was studied with a broad overview of historical background and historical analogies.

According to the authors, the «awakening» and emergence of an authoritarian tradition in Russia were associated with the demand for external expansion that was dictated by both internal and external circumstances. At the end of the XV century, Russia was embroiled in an uncompromising conflict between civilizations experiencing an acute shortage of material, financial and human resources. Therefore the victory in this conflict could be gained only through the creation of a strong state. This state could mobilize limited manpower and resources and direct them to the solution of vital social problems.

The mobilizing character of the state tended to demand much of a political regime which inevitably acquired authoritarian nature. The successful solution of the problem which

важных для общества задач. Мобилизационный характер государственности диктовал и требования к политическому режиму, который неизбежно приобретал авторитарный характер. Успешное же решение стоявших перед Русским государством в XVI–XVII вв. проблем способствовало закреплению авторитарной традиции в политической традиции и ментальности общества.

Ключевые слова: Русское государство; авторитарная традиция в России; происхождение русского авторитаризма.

Отправной точкой для этой работы послужила фраза из записок голштинца Адама Олеария о рабском характере русских, которые «плохи на свободе, хороши в рабстве» [19, с. 184]¹. Это высказывание, ставшее своеобразной квинтэссенцией отношения «просвещенного» Запада к «варварам»-москови-там, была написана вскоре (по историческим меркам) после того, как «рабские» по своей натуре русские собрались с силами, изгнали многочисленных неприятелей и восстановили в короткие сроки свою страну. И никто на «просвещенном» Западе не обратил внимания на парадокс – русские «рабы», которые не могут обойтись без ярма, «опьянены своим рабством» и неспособные ни к каким самостоятельным действиям без царской воли², тем

¹ Олеарий, кстати, вовсе не был первопроходцем в этом вопросе, а всего лишь перепел известное высказывание С. Герберштейна, имперского дипломата, несколько раз бывавшего в России во времена Василия III и оставившего записки о своих путешествиях («Этот народ находит больше удовольствия в рабстве, чем в свободе» [5, с. 239]).

² «Все здесь созвучно – народ и власть. Русские не отказались бы от чудес, творимых волею царя <...>. Но я не могу не поражаться тем, что из общего хора славословящих своего монарха <...> не раздаётся, хотя бы во имя справедливости, ни одного голоса, протестующего против бесчеловечности его самовласти. Да, можно сказать, что весь русский народ от мала до велика опьянен своим рабством до потери сознания <...>. Где нет свободы, там нет души и правды. Россия – тело без жизни, или, вернее, колосс, живущий только головой <...>». И еще одна весьма

the Russian state faced in XVI-XVII centuries contributed to consolidation of the authoritarian practice in the political tradition and mentality of society.

Key words: Russian state; the authoritarian tradition in Russia; the origin of Russian authoritarianism.

не менее, отказались признавать иноземное владычество³. Родившая в начале XVI в. «чер-характерная фраза: «Нравы русских, вопреки всем претензиям этого полуварварского племени, еще очень жестоки и надолго останутся жестокими. Ведь немногим больше ста лет тому назад они были настоящими татарами. И под внешним лоском европейской эlegantности большинство этих выскочек цивилизации сохранило медвежью шкуру – они лишь надели ее мехом внутрь. Но достаточно их чуть-чуть поскрести – и вы увидите, как шерсть вылезает наружу и топорщится. Разве из того, что дикарь обладает тщеславием светского человека, следует, что он приблизился к культуре? <...> Русские не столько хотят стать действительно цивилизованными, сколько стараются нам казаться таковыми. В основе они остаются варварами. К несчастью, эти варвары знакомы с огнестрельным оружием <...>». Эти строки были написаны спустя двести лет после Олеария и триста – после С. Герберштейна, французским маркизом А. де Кюстином [15, с. 182-183].

³ Отечественный писатель и публицист В.Е. Шамбаров по этому поводу отмечал, что «поляки (как и папа римский и иезуиты) допустили грубейшую политическую ошибку, представляя Россию сугубо в рамках собственных моделей, моделей противопоставления своих «свобод» (дворянских) русской тирании. Получалось и впрямь: смени или возьми под контроль царя – и делай с народом что хочешь, как в империи инков <...>». Это и стало, по его мнению, причиной неудачи попытки Речи Посполитой вывести Россию из игры на восточноевропейском политическом поле и поставить ее под свой контроль. «Дело-то в том, что Россия в XVII в. (точнее, в XVI веке, тогда как в следующем столетии ситуация постепенно изменяется – П. В., П. Т.) была не абсолютистским, а земским государством <...>. Поляки на такую «мелочь» вообще внимания не обратили, как никогда не обращали внимания на «простолюдинов». <...> Но на Руси земства представляли огромную силу <...>. Когда рухнула вся «вертикаль власти», «горизонталы» сохранились, что и обеспечило живучесть государства» [28, с. 139-140]. С такой точкой зрения можно соглашаться или не соглашаться, но, на наш взгляд, немалая доля истины в этом высказывании есть.

ная» (Л.Н. Гумилев) легенда о России и русских сделала свое дело. Ее влияние ощущается и по сей день: негативный образ России, «страны рабов, страны господ», страны, сошедшей с «правильного» пути, по-прежнему господствует в общественном сознании Запада, и не только Запада, пустил прочные корни в современном российском общественном сознании и продолжает усиленно культивироваться в рамках либерального дискурса на постсоветском пространстве⁴.

Однако, как справедливо писала американский историк Н.Ш. Коллманн, такие представления основываются скорее на абстрактных концепциях и теориях, на штампах, чем на анализе конкретной действительности [12, с. 37]. Ни один народ, ни одна культура, ни одна цивилизация изначально не предрасположена к авторитарному режиму правления, к деспотизму и тирании. Внутри каждого общества всегда существовали и существуют различные тенденции и потенции развития, в том числе и авторитарная, однако возможность их реализации на практике, утверждение в качестве ведущей, системообразующей, зависит от конкретно-исторических обстоятельств, в которых складывается и развивается данное общество. Вне всякого сомнения, авторитаризм, деспотизм и тирания не являются порождением отдельных личностей и даже целых общественных групп и слоев. Авторитаризм не возникает из ничего, из пустоты подобно *Deus ex machina*, и не может висеть в воздухе, не имея соответствующей опоры. Эта тенденция, существуя внутри общества в скрытом, эмбриональном состоянии, получает шанс на разви-

⁴ Примером такого подхода может служить вышедшая недавно работа И.В. Карацубы, И.В. Курукина и Н.П. Сорокина [11]. Написанная в живой, доступной форме книга содержит целый ряд интересных идей и положений, заслуживающих дальнейшего развития, но согласиться с общей тональностью этого исследования трудно именно в силу следования его авторами концепции России как «неправильной» страны, избравшей не ту, не «столбовую» дорогу развития государства и общества.

тие лишь при определенных условиях.

В принципе, нет сомнений в том, что прошлое общества определяет его настоящее и будущее. И, поскольку всякое общество, любая культура является результатом длительного процесса формирования характерных именно для данного общества черт и институтов, то, естественно, авторитаризм в России возник не сразу, а в результате сложения определенных объективных и субъективных факторов. Но где, когда и при каких обстоятельствах дремавшая внутри русского общества авторитарная тенденция вышла из состояния «анабиоза» и начала разворачиваться? Что обусловило ее победу над всеми остальными? Была ли она порождением отдельных лиц, как полагают некоторые авторы⁵, или же все-таки авторитаризм победил не потому, что этого хотели московские государи, церковные иерархи, мелкое дворянство или кто-либо еще, а в силу некоего стечения обстоятельств, воздействия сложного комплекса внешних и внутренних факторов? Именно поэтому представляется интересным проследить процесс формирования авторитарной традиции в российском обществе «*ab ovo*», с того момента, когда началось складывание самого этого общества, т. е., фактически с того момента, когда на территории Восточной Европы начало складываться Древнерусское государство как предшественник современного Российского государства, и предложить свою версию развития событий и генезиса русского авторитаризма.

На наш взгляд, есть все основания полагать, что российский авторитаризм стал, если воспользоваться концепцией А. Тойнби «Вызов—Ответ», закономерным ответом русского общества на сложные природно-географические и политические условия, в которых ему пришлось жить и развиваться. Однако прежде чем

⁵ Так, к примеру, полагает А.Л. Янов [29, с. 52-53, 58, 69, 104 и далее].

он сформировался и обрел силу, оно, русское общество, прошло долгий и сложный исторический путь. На первых порах, во времена Древнерусского государства, говорить о том, что авторитарная тенденция преобладала в русском историческом процессе, не приходится. Есть все основания полагать, что до вторжения татаро-монголов древнерусское общество в целом развивалось по тем же направлениям, что и западноевропейское общество эпохи раннего Средневековья. Представляется, что сегодня есть все основания провести параллель между «империей» Рюриковичей и империей Каролингов или целым рядом других раннесредневековых государств [13, с. 71; 18, с. 29-46; 17, с. 47-87]⁶. Все эти государства, при всем их внешнем блеске и величии, были внутренне непрочными и нестабильными. И там, и здесь государство и монархия были слабыми и непрочными. Слабость центральной власти в значительной степени компенсировалась самоорганизацией общества и потому полагать, что эти государства были авторитарными, настоящими монархиями (в смысле «властью одного»), нельзя. Древняя Русь была государством самодержавным, но никак не авторитарным, ибо термин «самодержавие» долгое время понимался как синоним независимости, суверенности, самостоятельности государства и его персонального олицетворения – великого князя (правда, есть определенные основания полагать, что «самодержавность» русских князей домонгольской эпохи в определенной степени ограничивалась влиянием Константинополя, но этот вопрос нуждается в дополнительном изучении). Успешное функционирование и эффективность властных механизмов (достаточно примитивных и несовершенных) на всех уровнях (и чем ниже, тем в

⁶ Типичным образцом такого государства может служить раннесредневековая Англия, в частности «империя» Кнута Великого [См., например: 7]. И пример «империи» Кнута Великого тем более интересен, если принять во внимание скандинавские корни династии Рюриковичей

большей степени) во многом определялись умением князя взаимодействовать с местными элитами, учитывать их интересы, опираться в своей деятельности на складывавшиеся веками обычаи и традиции⁷. Судьба этих раннесредневековых государств, и Древняя Русь не была исключением из общего правила, зависела от сплетения множества как объективных, так и субъективных обстоятельств.

Продолжая аналогии дальше, можно отметить, что «Империя Рюриковичей» подобно империи Каролингов или Англии X–XI вв., на рубеже XII – начала XIII вв. вступила в эпоху глубокого кризиса и трансформации в некое новое качество⁸. Нельзя исключить такого поворота событий, что, сложись история иначе, в результате начавшейся в конце XII – начале XIII вв. внутренней перестройки древнерусского общества на свет могло появиться сразу несколько новых государственных образований (во всяком случае, определенные тенденции к этому уже сложились – Северо-Восток, Северо-Запад и Юго-Запад Русской земли к началу XIII в. явно развивались по разным векторам, постепенно удаляясь друг от друга). Однако вторжение татаро-монголов внесло первые серьезные коррективы в ход российского исторического процесса. Оно застало и русскую государственность, и общество в переходный момент развития, когда они были очень далеки от завершения процессов внутренних изменений и обладали высокой степенью пластичности, легко подвергаясь изменениям под влиянием как внешних, так и внутренних факторов развития. Под

⁷ И снова прибегнем к примеру раннесредневековой Англии. Как писал М.М. Горелов, «раннесредневековые государства с их неразвитым аппаратом управления основывались в значительной мере на личном авторитете и личных связях короля и прочих носителей власти, в том числе назначаемых им на места» [7, с. 69]. Подобная зависимость судьбы государства прослеживается на потомках англосаксонского короля Альфреда Великого [см.: 6, с. 51-54 и далее].

⁸ О причинах этого кризиса см., например: [16, с. 5-11].

влиянием этого сильнейшего внешнего фактора вектор развития средневековой русской государственности изменился.

Особенно сильным оказалось воздействие татарского господства на Северо-Восточную Русь, на тот регион, где позднее сформировалось ядро Российского государства. Оказавшись на дальней периферии общеевропейского исторического процесса (и до такой степени изолированными от него, что в конце XV в. европейцы с удивлением для себя «открыли» Россию, подобно тому как примерно в это же время они обнаружили существование Нового Света!), вдали от важнейших торговых путей, на территории, бедной природными и иными ресурсами, в условиях, когда перед ним встали новые, более серьезные и сложные задачи, формирующееся российское государство и общество оказались перед мощным «Вызовом» (А. Тойнби). Они были вынуждены искать свое оригинальное решение вставшей перед ними проблемы, создавать такую организацию политической власти, которая смогла бы найти достойный ответ на вопрос – как выжить в этих сложных условиях.

Можно сказать, что молодое Российское государство должно было сыграть роль защитной оболочки, кокона, внутри которого русская православная цивилизация получила шанс на выживание и дальнейшее совершенствование (в особенности после того, как Османское государство положило конец существованию независимых православных государств на Балканах, а затем и Византийской империи, а в православном в своей основе Великом княжестве Литовском постепенно набирало силу католичество). И с этой задачей оно справилось. «Этот случай еще раз доказывает, – писал А. Тойнби, анализируя итоги его развития в допетровскую эпоху, – что чем сильнее вызов, тем оригинальнее и созидательней ответ. В России ответ представлял собой эволюцию нового образа жизни и новой социальной организации, что по-

зволило впервые за всю историю цивилизаций оседлому обществу не просто выстоять в борьбе против евразийских кочевников (и не только их – П. В., П. Т.) и даже не просто побить их <...>, но и достичь действительной победы, завоевав номадические земли, изменив лицо ландшафта и преобразовав в конце концов кочевые пастбища в крестьянские поля, а стойбища – в оседлые деревни <...> (выделено нами – П. В., П. Т.)» [25, с. 140].

Но каким было это государство и как строились отношения общества с этим государством? Борьба сперва за обретение независимости, «самодержавства», а затем и за гегемонию в Восточной Европе, за «ордынское наследство» и «наследство Ярослава Мудрого» способствовала формированию в России характерного государственного устройства и политического режима. Для европейцев, которые в конце XV в. с удивлением обнаружили для себя могущественное государство на востоке Европы, политический режим России, внешне столь отличный от привычных им форм общественно-политического бытия, мог быть охарактеризован в понятных им терминах только как деспотический и тиранический, основанный на идеях автократии и авторитаризма. Очевидно, здесь и нужно искать корни «черной легенды» о присущем русским чувстве врожденного рабства и преклонения перед деспотической, авторитарной властью монарха, столь распространенными и по сей день не только за рубежом, но и у нас в России⁹. Очевидцы, ярко и живо описывавшие необычные порядки, свойственные «нецивилизованным» москвитам, не смогли понять, что идея

⁹ Яркий тому пример – несколько фраз, автором которых является модный ныне историописатель Э. Радзинский: «Эпоха московских царей и следующие за ними 300 лет правления династии Романовых были эрой жестоких самодержцев <...>. Московское государство вновь породило типично азиатскую самодержавную власть, у руля которой встала династия Романовых. XVII в. стал предвестником смуты 1917 г. <...>» [23, с. 92, 93].

сильного государя и сильной центральной власти стала ответом на необходимость мобилизации всех ресурсов «земли» для решения задач, жизненно важных для всего общества. И «земля» была готова поступиться частью своих прежних вольностей и свобод в обмен на гарантируемые властью взамен них «тишину» и порядок как вне, так и внутри страны.

Но насколько «земля» была готова поступиться своими традиционными «вольностями»? Еще раз подчеркнем, что, по нашему убеждению, пресловутые тирания, авторитарный режим, суть которых как будто бы хорошо видна из знаменитого высказывания Ивана Грозного (московские государи «жаловати есмь своих холопей вольны, а и казнити вольны же» [22, с. 30]), не могли существовать в Московской России хотя бы потому, что тот же грозный царь не имел надежных механизмов реализации своих деспотических поползновений. Московское государство в XVI в. было недостаточно сильно, чтобы обойтись без поддержки «земли». И в этом отношении представляет немалый интерес наблюдение, сделанное академиком Н.Н. Покровским. Характеризуя особенности функционирования государственного механизма России во 2-й половине XV–XVI вв., он писал в предисловии к книге санкт-петербургского историка Ю.Г. Алексеева, что «власть эта (Ивана III и, следовательно, его сына Василия – П. В., П. Т.) была не так уж и сильна, что местные особенности и различия очень долго давали себя знать в едином государстве <...>. Система власти базировалась не на единственном понятии “государство”, а на двух понятиях – “государство” и “общество”, на продуманной системе не только прямых, но и обратных связей между ними <...>. Центральная государственная власть того времени не была в состоянии доходить до каждой отдельной личности; исполняя свои функции, она должна была опираться на эти первичные социальные общности (крестьянские и городские об-

щины, дворянские корпорации-“города” и пр. – П. В., П. Т.). Но это автоматически означало серьезные права таких организаций, их немалую роль в политической системе всей страны <...>» [см.: 2, с. 5-6].

В этом крылась одновременно и сила, и слабость Московского государства, и здесь, возможно, и кроется разгадка правления Ивана Грозного. В своих посланиях он мог писать все, что он думает и как он представляет себе тот политический идеал, который был мил его сердцу. Однако при столкновении с реальной действительностью этот авторитарный идеал неизменно разрушался. Казня своих противников, явных или же только подозреваемых в сопротивлении своим планам, Иван все равно стремился найти оправдание политике репрессий, пытался заручиться поддержкой, «земли», а когда не чувствовал себя абсолютно уверенным в своей правоте, то искал поддержки, утешения и прощения у Бога. Трудно сопрягается образ царя-тирана и деспота с образом постоянно мятущегося, колеблющегося, не уверенного в своей правоте царя и, видимо, не случайно рождается весьма популярная, особенно в околоисторических кругах, идея о безумии, поразившем царя [см., напр.: 8, с. 226-238].

Было бы, конечно, весьма соблазнительно свести все проблемы русской истории к психическим особенностям того или иного лица, стоявшего во главе государства, но такое объяснение представляется слишком простым и примитивным. Не отрицая роли субъективного фактора, тем не менее, мы далеки от стремления придать ему главенствующий, доминирующий характер. На наш взгляд, метания Ивана Грозного во многом были предопределены как раз несоответствием возможностей того государственного механизма, той политической системы, которая оказалась в его распоряжении, и тех неожиданно усложнившихся условий, внешних и внутренних, в которых ему и его правительству пришлось действовать.

Упомянувшийся выше Ю.Г. Алексеев, характеризуя суть этой системы, отмечал, что Российское государство времен Ивана III, его сына и внука «можно назвать земско-служилым – русским вариантом централизованной монархии позднего средневековья <...>. Реальной основой этого государства явились служилые отношения и общинные институты, пронизывающие весь строй жизни России. Вопреки мнению, долгое время господствовавшему в нашей историографии, Русское государство не знало “закрепощения сословий”. Обязанность государственной службы, т. е. службы Отечеству, воплощаемому в лице государя всея Руси, вытекала из всего бытия Русского государства и определялась, с одной стороны, объективной необходимостью иметь сильное, дееспособное государство, способное отстоять независимость и целостность России, с другой же стороны – патернализмом как основной формой отношений между главой государства и его подданными. Средневековый патернализм не укладывается в категории политического и юридического мышления XIX–XX вв. с его повышенным рационализмом и формализмом <...>. В силу патерналистского характера политического сознания в России не было и не могло быть договорных отношений между отцом и сыном в православной семье¹⁰. Отсутствие договорных отношений было не проявлением «бесправия», «восточного деспотизма», а высшей степенью доверия между властью и народом – тем морально-политическим единством, которое обусловило

¹⁰ Даже введение Иваном III пресловутого «Юрьева дня» можно трактовать по-разному – с одной стороны, как начало реального закрепощения крестьян, а с другой стороны – как «отеческую» заботу государя о своих «детях»-подданных, помещиках и крестьянах. Нам ближе второй вариант. «Он (т. е. Юрьев день – П. В., П. Т.) играл роль естественного регулятора норм эксплуатации в частновладельческих землях <...>. В системе Юрьева дня Иван III нашел устойчивый баланс интересов земледельцев и землевладельцев. Нарушение этого баланса не могло остаться безнаказанным», – отмечал российский историк Н.С. Борисов [3, с. 582].

сохранение Россией ее государственно-го единства, независимости и самого ее существования <...>» [2, с. 431-433].

Однако в сложнейших условиях 2-й половины XVI в. (война на нескольких фронтах [см.: 20, с. 77-83], тяготы которой оказались усугублены сильнейшим хозяйственно-экономическим кризисом, обусловленным как ухудшением природно-климатических условий, так и пресловутой «революцией цен», а это, в свою очередь, обусловило рост политической и социальной напряженности в обществе) политические структуры и институты, сформировавшиеся при его деде и отце, в новых условиях оказались неэффективными, не способными к выполнению тех широкомасштабных внешнеполитических планов, которые попытался реализовать Иван IV, подталкиваемый к тому как внешними, так, в особенности, внутренними причинами. Конец XVI – начало XVII вв. ознаменовались новым кризисом русской государственности и сложившейся системы взаимоотношений власти и общества, основанной на соблюдении обычая и традиции, а также определенного паритета интересов государства и «земли». И снова, как это было в XIII в., внешняя угроза, до основания потрясая русское общество и его устои, изменяет вектор политического развития российской государственности.

После Смуты возврат к прежним старым добрым временам был уже невозможен. Конечно, можно представить, как делают некоторые авторы, что было бы, если бы польский принц Владислав стал московским царем и правил Россией на основе «конституции» боярина М. Салтыкова [см., напр.: 11, с. 134-136; 29, с. 29, 353]. Однако возникают серьезнейшие сомнения относительно жизнеспособности такой химеры. Во что могло вылиться такое правление, хорошо понимали сами русские того времени. Характерно высказывание «некоего москвитянина», которое приводит в своем дневнике поляк С. Маскевич: «В беседах с москвитянами наши,

выхваляя свою вольность, советовали им соединиться с народом польским и также приобрести свободу. Но русские отвечали: «Вам дорога ваша воля, нам неволя. У вас не воля, а своеволие: сильный грабит слабого (выделено нами – П. В., П. Т.); может отнять у него имение и самую жизнь. Искать же правосудия, по вашим законам, долго: дело затянется на несколько лет. А с иного и ничего не возьмешь. У нас, напротив того, самый знатный боярин не властен обидеть последнего простолюдина: по первой жалобе, царь творит суд и расправу (Выделено нами. В принципе, это высказывание можно трактовать как своего рода манифест «просвещенного» абсолютизма, когда монарх выступает в роли своеобразного арбитра, стоящего над индивидуальными и узкословными интересами – П. В., П. Т.). Если же сам государь поступит неправосудно, его власть: как Бог, он карает и милует. Нам легче перенести обиду от царя, чем от своего брата: ибо он владыка всего света» <...>» [9, с. 57].

Еще раз подчеркнем, что в этом вопросе мы согласны с мнением Б.Н. Флори, отмечавшим, что польско-литовская модель общественно-политического развития носила тупиковый характер и была отвергнута русским обществом как неприемлемая [см.: 27, с. 395-397]. Принятие этой модели вряд ли привело бы к установлению в исторической перспективе в России не то что демократии (даже в ограниченном, «афинском» или «римском» ее вариантах – «демократии» для «своих»; пример эволюции новгородской «демократии» XII–XV вв. это наглядно демонстрирует), но даже ограниченной монархии. Более вероятным был вариант поглощения России Речью Посполитой, либо установления режима правления боярской олигархии, весьма сходного с тем, что сложился в первой половине XVII в. в самой Речи Посполитой (или в том же Новгороде к концу существования Новгородской «республики»).

Шок и потрясение, испытанное Рос-

сией и русским обществом в результате Смуты, на наш взгляд, были таковы, что практически полностью перечеркнули всякую возможность альтернативного развития. Если до этого и могли быть какие-то иллюзии, то теперь они оказались невозможны – спасение от повторения Смуты виделось теперь только в сильной центральной власти. Испытанное «давление на Россию со стороны Польши и Швеции в XVII в. было столь яростным, что оно неминуемо должно было вызвать ответную реакцию. Временное присутствие польского гарнизона в Москве и постоянное присутствие шведской армии на берегах Нарвы и Невы глубоко травмировало русских, и этот внутренний шок подтолкнул их к практическим действиям <...>», – писал А. Тойнби [25, с. 147].

Главный вывод, сделанный из бурных событий эпохи Смутного времени, заключался прежде всего в том, что в Москве четко усвоили, что «в условиях того времени стать «ведущей державой» значило обладать экономическим и военным потенциалом, позволяющим играть ведущую роль в мировой политике и вести активную наступательную внешнюю политику, столь же агрессивную и экспансионистскую, как у других крупных европейских держав <...>. Дальнейшая экспансия была невозможна без сильной профессиональной армии, опирающейся на современную индустрию, что <...> требовало радикальной реформы <...>» [10, с. 48].

Но и это еще не все. Само русское общество, испытав нечеловеческое напряжение в годы Смуты, осознало, что только сильное государство, сильная власть способны отстоять независимость страны. Это требовало создания соответствующего государственного устройства, способного обеспечить мобилизацию немногочисленных ресурсов страны и общества на решение жизненно важных вопросов.

Однако в условиях острой нехватки ресурсов разрешить эту задачу можно было только в ущерб традиционным вольностям

и свободам, и обществу, и «земля» после трагедии Смуты были готовы поступиться частью своих прежних вольностей и свобод в обмен на гарантируемые властью взамен «тишину» и порядок как вне, так и внутри страны. И снова проведем аналогию, на это раз между «несвободным» Российским государством и «свободным» Польско-Литовским. В конце XVIII в. Речь Посполитая, раздираемая внутренними противоречиями, оказалась разделенной своими соседями и прекратила свое существование. Польская правящая элита оказалась неспособна подняться над своими узкословными интересами и в итоге погубила свое государство. Напротив, русское «служилое» государство [27, с. 395], сложившееся в позднем Средневековье, оказалось способно мобилизовать все скудные силы и ресурсы общества для решения общественно важной задачи – дать адекватный ответ на военный вызов со стороны и Запада, и Востока¹¹. Как справедливо указывал русский философ Г.П. Федотов: «Весь процесс исторического развития на Руси стал обратным западноевропейскому: это было развитие от свободы к рабству. *Рабство диктовалось не капризом властителей, а новым национальным заданием: создания Империи на скудном экономическом базисе. Только крайним и всеобщим напряжением, железной дисциплиной, страшными жертвами могло существовать это нищее, варварское, бесконечно разрастающееся государство* (выделено нами – П.

¹¹ Таким образом, прав был отечественный историк А. Петров, когда писал, что «в борьбе за “киевское наследство” (и за ордынское в том числе – П. В., П. Т.) Московская держава сформировалась как *сплоченная национальная военно-государственная структура. Сформировался своего рода военный лагерь* (выделено нами – П. В., П. Т.). Государева власть стала единой и самодержавной, подчиняя и подавляя частные и общественные интересы. *Только прочное и безусловное сосредоточение сил и средств в распоряжении власти* (выделено нами – П. В., П. Т.) дало возможность организовать их и вести активную политику на пространствах Восточной Европы <...>» [21, с. 172].

В., П. Т. И от себя мы добавим: судя по всему, это был единственный выход, ибо в начале XVII в. Европа еще была не готова к экспансии в восточном направлении, и у России было время подготовиться к рывку с тем, чтобы встретить потенциальную угрозу во всеоружии. Османы поняли это слишком поздно – у них не было своей Смуты, размахом подобной той, которую пережила Россия, и в итоге они не смогли успешно модернизироваться и противостоять натиску с Запада) <...>» [26, с. 616].

«Служилое» государство смогло решить проблему, ранее представлявшуюся неразрешимой. Экспансия и в западном, и в южном направлениях была возобновлена. Хотя, на первый взгляд, добиться больших успехов ни Алексею Михайловичу, ни Федору Алексеевичу на этом пути не удалось, тем не менее, старые противники Москвы, Крым и Речь Посполитая, в возобновившейся борьбе получили тяжелые удары. Россия не только смогла положить конец татарской угрозе, но и приступить к освоению Дикого поля (достаточно вспомнить о постройке Белгородской и Изюмской черт, выдвинувших рубежи Русского государства далеко в степь и сделавших возможными походы значительных армейских группировок в Крым), отвоевала у Речи Посполитой не только Смоленщину, но и Левобережную Украину. Более того, она нанесла такие сильные удары польско-литовскому государству, что при всем своем нежелании поляки были вынуждены отказаться от намерений отвоевать утраченные земли и признать Москву, по меньшей мере, равноправным партнером [см.: 14].

Однако с течением времени, когда эта задача была выполнена, авторитарная традиция, освященная церковью и обычаем, уже не могла быть отменена просто мановением руки или законодательным актом, тем более что она оказалась чрезвычайно удобным инструментом в руках власти для разрешения задач, нередко расхившихся (и чем дальше, тем боль-

ше) с интересами общества. Петр Великий, поставив перед обществом и государством новую сверхзадачу, исходил из того, что Россия может рухнуть под натиском более мощных противников, повторив судьбу Византийской империи [4, с. 159]. Включившись в работу европейского «концерта», Россия должна была любой ценой поддерживать необходимый уровень расходов для сохранения статуса великой державы и субъекта международного права. В условиях нараставшего социально-экономического и политического отставания России от передовых стран Европы решить эту задачу можно было только при условии сохранения авторитарного политического режима как наиболее эффективного механизма мобилизации ресурсов для достижения успеха в ожесточенной конкурентной борьбе. Попытка России позиционировать себя в мировом сообществе как великую державу в условиях относительной бедности страны и общества неизбежно вела к консервации авторитарной политической традиции.

Эта политическая традиция достигла своего апогея в первой четверти XVIII в., когда государство полностью подмяло под себя общество. Новая политическая доктрина была четко выражена в чеканных словах Воинского устава 1715 г.: «Его величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен. Но силу и власть имеет свои государства и земли, яко христианский государь, по своей воле и благомнению управлять» [24, с. 331]. В такой конструкции места преждему сотрудничеству «земли», где, по мнению Петра, «умных людей нет», и «просвещенного» монарха, не было. Патриархальное Московское царство должно было превратиться в регулярную, полицейско-бюрократическую Российскую империю, своего рода машину, перед лицом которой все были бы равны, и даже сам император был бы одним из колес, пусть и самым главным, этого чудовищного механизма. Лишь после смер-

ти Петра Великого началась постепенная либерализация режима, но коснулась она только одной социальной группы, а именно, российского дворянства. Самодержавие было вынуждено пойти ему на уступки, поскольку оно в ходе петровских преобразований окончательно утвердило себя в качестве главного столпа империи и заставило власть прислушиваться к своему мнению. Но по отношению к другим сословиям практически ничего не изменилось, и даже более того, давление на них со стороны государства еще более увеличилось. В итоге это позволило российским монархам XVIII в. вывести Россию, не обладавшую такими же ресурсами, как, например, Англия или Франция, в число мировых держав и заставить считаться с собой и своими интересами Европу.

Вместе с тем необходимо отметить, что есть все основания сомневаться в том, что мобилизационный тип государственной машины и подчинение интересов личности и общества интересам государства оказался в конечном итоге наилучшим историческим выбором для России и русского народа. «Служилый» характер государства и отношений между ним и обществом для своего времени был необходимым и сыграл свою положительную роль, но впоследствии он же способствовал в немалой степени консервации отсталых, архаичных форм общественной и политической жизни. Это, в свою очередь, приводило к тому, что каждый раз, когда Россия пыталась совершить рывок вслед за Западом, запустить двигатель внутреннего саморазвития общества и государства так и не удавалось, и последствия модернизационного рывка всякий раз носили конечный характер. Совершив скачок и догнав Европу, Россия затем, по мере иссякания энергии толчка, постепенно замедляла свое развитие, в результате чего снова возникал разрыв между Европой и Россией, преодоление которого требовало новых чрезвычайных усилий со стороны как общества, так и государ-

ства, и нового запуска авторитарных механизмов управления. И выйти из этого замкнутого круга не удастся и по сей день.

Литература:

1. Алексеев Ю.Г. Государь всея Руси. Новосибирск: Наука, 1991. 240 с.

2. Алексеев Ю.Г. Судебник Ивана III. Традиция и реформа. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 448 с.

3. Борисов Н.С. Иван III. М.: Молодая гвардия, 2003. 644 с.

4. Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. Т. 1. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1945. 646 с.

5. Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. М.: Памятники исторической мысли, 2008. 774 с.

6. Глебов А.Г. Англия в раннее Средневековье. СПб.: Евразия, 2007. 283 с.

7. Горелов М.М. Датское и норманнское завоевания Англии в XI веке. СПб.: Алетейя, 2007. 176 с.

8. Грин В. Безумные короли. Р.-на-Д.: Феникс, 1997. 480 с.

9. Дневник Маскевича 1594-1621 // Сказания современников о Дмитрие Самозванце. Т. 1. СПб. 1859. С. 8-124.

10. Каменский А.Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М.: Изд-во РГГУ, 1999. 575 с.

11. Карацуба И.В., Курукин И.В., Соколов Н.П. Выбирая свою историю. «Развилки» на пути России: от рюриковичей до олигархов. М.: КоЛибри, 2005. 638 с.

12. Коллманн Н.Ш. Соединенные чеством. М.: Древлехранилище, 2001. 463 с.

13. Котляр Н.Ф. Древнерусская государственность. СПб.: Алетейя, 1998. 444 с.

14. Кочегаров К.А. Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М.: Индрик, 2008. 504 с.

15. Кюстин А. де. Николаевская Россия. М.: Госполитиздат, 1990. 352 с.

16. Макаров Н.А. Русь в XIII веке: характер культурных изменений // Русь в XIII

веке: древности темного времени. М.: Наука, 2007. С. 5-11.

17. Назаренко А.В. Династический строй Рюриковичей X–XII веков в сравнительно-историческом освещении // Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне (Древнейшие государства Восточной Европы). М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2009. С. 7-28.

18. Назаренко А.В. «Ряд» Ярослава Мудрого в свете европейской типологии // Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне (Древнейшие государства Восточной Европы). М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2009. С. 29-46.

19. Олеарий А. Описание путешествия в Московию. Смоленск: Русич, 2003. 480 с.

20. Пенская Т.М., Пенской В.В. Главная война Ивана Грозного // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2013. Вып. 3. С. 77-83.

21. Петров А. Мечты о золотом столе. Киевское наследство в политической жизни средневековой Восточной Европы // Родина. 2002. № 11-12. С. 168-172.

22. Послания Ивана Грозного. СПб.: Наука, 2005. 715 с.

23. Радзинский Э. О Русь! Куда несешься ты? // Империя. № 4. 2006. С. 92-97.

24. Российское законодательство X-XX вв.: в 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. М.: Юридическая литература, 1986. 512 с.

25. Тойнби А. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991. 736 с.

26. Федотов Г.П. Россия и свобода // Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2003. С. 615-617.

27. Флоря Б.Н. Иван Грозный. М.: Молодая гвардия, 2003. 403 с.

28. Шамбаров В.Е. Тайна воцарения Романовых. М.: Алгоритм, 2007. 597 с.

29. Янов А.Л. Россия: у истоков трагедии. 1462-1584. Заметки о природе и происхождении русской государственности. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 559 с.

References:

1. Alekseev Yu.G. Gosudar vseia Rusi [Tsar of All Russia]. Novosibirsk: Nauka, 1991. 240 p.
2. Alekseev Yu.G. Sudebnik Ivana III. Traditzia i reforma [Sudebnik of Ioann III. Tradition and Reform]. St.-Petersburg: Dmitry Bulanin, 2001. 448 p.
3. ~~Borisov N.S. Ivan III [Ioann III]. Moscow: Molodaya Gvardia, 2003. 644 p.~~
4. Voskresenskiy N.A. Zakonodatelnie akti Petra I [Legislative acts of Peter I]. V. 1. Moscow-Leningrad: Publishing House of the USSR Academy, 1945. 646 p.
5. Herberstein S. Zapiski o Moskovii [Notes on Muscovy]. V. I. Moscow: Monuments of Historical Thought, 2008. 774 p.
6. Glebov A.G. Anglia v rannee Srednevekovie [England in the early Middle Ages]. St.-Petersburg: Eurasia, 2007. 283 p.
7. Gorelov M.M. Datskoe i normanskoe zavoevaniya Anglii v XI veke [The Danish and the Norman conquest of England in the XI century]. St.-Petersburg: Aletheia, 2007. 176 p.
8. Green V. Bezumnii koroli [The Mad Kings]. Rostov-on-Don: Feniks, 1997. 480 p.
9. Dnevnik Maskevicha 1594-1621 // Skazaniya sovremennikov o Dmitrii Samozvantze [Maskevitch Diary 1594-1621 // Tales of contemporaries about Dmitry the Pretender]. V. 1. St.Petersburg. 1859. pp. 8-124.
10. Kamensky A.B. Ot Petra I do Pavla I: Reformi v Rossii XVIII veka (opit tzelostnogo analiza) [From Peter I to Paul I: reforms in Russia of the XVIII-th century (experience of holistic analysis)]. Moscow: Publishing of RSUH, 1999. 575 p.
11. Karatsuba I.V., Kurukin I.V., Sokolov N.P. Vibiraia svoyu istoriyu. "Razvilki" na puti Rossii: ot ryurikovichy do oligarkhov [Choosing your History. «Fork» in the Way of Russia: from Rurik to the Oligarchs]. Moscow: KoLibry, 2005. 638 p.
12. Kollmann N.Sh. Soedinennii chesti [United Honor]. Moscow: Drevlekhranilishche, 2001. 463 p.
13. Kotlyar N.F. Drevnerusskaya gosudarstvennost' [Old Russian Statehood]. St.-Petersburg: Aletheia, 1998. 444 p.
14. Kochegarov K.A. Rech Pospolitaia i Rossiya v 1680–1686 godah. Zaklyuchenie dogovora o Vechnom mire [Rzeczpospolita and Russia in 1680-1686 years. Conclusion of Agreements on the Eternal Peace]. Moscow: Indrik, 2008. 504 p.
15. Custine A. de. Nikolaevskaya Rossiya [Nikolay Russia]. Moscow: Gospolitizdat, 1990. 352 p.
16. Makarov N.A. Rus v XIII veke: kharakter kul'turnih izmeneniy // Rus' v XIII veke: drevnosti temnogo vremeni [Rus in the XIII century: the Nature of Cultural Change // Rus in the XIII century: Ancientry of the Dark Time]. Moscow: Nauka, 2007. pp. 5-11.
17. Nazarenko A.V. Dinasticheskiy stroy Ryurikovichy X-XII vekov v sravnitelno-istoricheskom osveshchenii // Drevnyaya Rus' i slaviane [Dynastic System of the Ruriks in X-XII Centuries in Comparative and Historical Interpretation // Ancient Rus and Slavs (ancient states of Eastern Europe)]. Moscow: University of Dmitry Pozharsky, 2009. pp. 7-28.
18. Nazarenko A.V. "Ryad" Yaroslava Mudrogo v svete evropeyskoy tipologii // Drevnyaya Rus' i slavyane [«Ryad» of Yaroslav the Wise in the Light of European Typology // Ancient Rus and Slavs (ancient states of Eastern Europe)]. Moscow: University of Dmitry Pozharsky, 2009. pp. 29-46.
19. O'Leary A. Opisanie puteshestviya v Moskoviyu [Description of the Journey to Muscovy]. Smolensk: Rusich, 2003. 480 p.
20. Penskaya T.M., Penskoii V.V. Glavnaya vojna Ivana Groznogo [The main War of Ivan the Terrible // Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series]. Issue 3. 2013. pp. 77-83.
21. Petrov A. Mechti o zolotom stole.

Kievskoie nasledstvo v politicheskoy zhizni srednevekovoy Vostochnoy Evropi // Rodina [Dreams of a Golden Table. Kiev Legacy in the Political Life of the Medieval Eastern Europe]. № 11-12. 2002. pp. 168-172.

22. Poslaniya Ivana Groznogo [Epistles of Ivan the Terrible]. St.-Petersburg: Nauka, 2005. 715 p.

23. Radzinski E. O, Rus! Kuda nesyoshsya ti? // Emperiya [Oh, Russ! Where are you Rushing?]. № 4. 2006. pp. 92-97.

24. Rossiyskoe zakonodatel'stvo X-XX vv. [The Russian legislation of X-XX centuries in 9 vols. V. 4. Legislation Formative Period of Absolutism]. Moscow: Legal literature, 1986. 512 p.

25. Toynbee A. Postizhenie istorii [A Study of History]. Moscow: Progress, 1991. 736 p.

26. Fedotov G.P. Rossiya i svoboda // Sviatie Drevney Rusi [Russia and Freedom // Saints of Ancient Russia]. Moscow: ООО «Publ. AST», 2003. pp. 615-617.

27. Florea B.N. Ivan Groznyi [Ivan the Terrible]. Moscow: Molodaya Gvardia, 2003. 403 p.

28. Shambarov V.E. Taina votzareniya Romanovikh [The Mystery of the Accession of the Romanovs]. Moscow: Algoritm, 2007. 597 p.

29. Yanov A.L. Rossiia: u istokov tragedii 1462-1584. Zametki o prirode i proiskhozhdenii russkoy gosudarstvennosti [Russia: The Sources of the Tragedy. 1462-1584. Notes on the Nature and Origin of the Russian Statehood]. Moscow: Progress-Tradition, 2001. 559 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Пенской Виталий Викторович

*доктор исторических наук,
профессор*

Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет

ул. Победы, 85, г. Белгород,
308015, Россия

Электронный адрес:
penskoey@bsu.edu.ru

Пенская Татьяна Михайловна

*кандидат исторических наук,
доцент*

Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет

ул. Победы, 85, г. Белгород,
308015, Россия

Электронный адрес:
penskoey@bsu.edu.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Penskoy Vitaly Victorovich

*Doctor of Historical Sciences,
Professor*

Belgorod National Research
University

85, Pobedy St., Belgorod, 308015,
Russia;

e-mail: penskaya@bsu.edu.ru

Penskaya Tatiana Mikhailovna

*Candidat of Historical Sciences,
Associated Professor*

Belgorod National Research
University

85, Pobedy St., Belgorod, 308015,
Russia;

e-mail: penskaya@bsu.edu.ru